

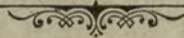
№ 2445

В. Мансикка.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЗЛОГО НАЧАЛА

ВЪ

РУССКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117

1909.

INSTITUT
BIBLIOTEKA
ul. Nowy Świat 73
Tel. 26-68-63

Представители злого начала въ русскихъ заговорахъ.

I.

(Общій дуализмъ.—Заговоры отъ порчи и упоминаніе въ нихъ лихого чело-
вѣка.—Колдунъ и его наговоры.—Западные параллели.—Вступленіе загово-
ровъ и его искусственность.— Западъ и сѣверъ, какъ сторона нечистыхъ
духовъ.— Подземелье, адъ, лѣшій, домовой.— Адъ, черная, огненная рѣка,
чортъ, Баба-Яга.—Двойственность нѣкоторыхъ образовъ: огонь, вѣтры, куз-
нецы съ Океанъ-моря.— Крестное дерево и нечистая сила около него.—
Иуда и заговоры отъ перелоговъ.—Иродъ).

Заклинательныя формулы, употребляемыя на западѣ и здѣсь
въ Россіи, содержатъ въ себѣ немало чертъ, которыя позволя-
ютъ намъ говорить о „дуализмѣ“ заговоровъ въ смыслѣ двухъ
противоположныхъ началъ, во имя которыхъ заговоръ имѣетъ
приписываемую ему силу. Дуализмъ высказывается не только въ
самой формулѣ, но проникаетъ даже въ дѣйствія, сопровожда-
ющія ее. Не слѣдуетъ забывать, что и тѣ лица, которыя произ-
носятъ заговоръ, носятъ слѣды дуализма: народъ повсемѣстно
различаетъ безвреднаго знахаря или „шептуна“ отъ злыхъ и
мстительныхъ колдуновъ, кудесниковъ, чернокушниковъ. Эти
последніе, которые по народному повѣрью имѣютъ въ своемъ
распоряженіи опредѣленное число нечистой силы и поэтому вну-
шаютъ великій страхъ среди односельчанъ ¹⁾, сохраняютъ подъ
страшной тайной свои заклинанія. Боясь предсмертныхъ мукъ и
безконечныхъ скитаній умершей, нечистому духу проданной души,
они стараются, какъ извѣстно, заблаговременно передать свое
искусство младшимъ себя. Такъ переходятъ демоническія закли-

¹⁾ Ср. Архивъ Геогр. Общ. XXXVI, 48, 35.

нанія традиціонно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Онѣ заносятся болшею частью въ „черныя книги“, и колдуна, который такимъ путемъ получаетъ свое искусство, принято называть „ученымъ“. Все сказанное давно уже извѣстно въ этнографической литературѣ, и въ виду этого мы ограничимся указаніемъ на то, чѣмъ отличается значеніе представителей „черной магіи“ въ рамкахъ заговора.

Характерными для восточной традиціи можно считать заговоры отъ „порчи“, въ силу которыхъ устраняются результаты зловредной дѣятельности „лихого человѣка“. По общему приему заговоровъ противъ неопредѣленныхъ болѣзней, ¹⁾ естественныя причины которыхъ остаются для малознающаго человѣка тайной, перечисляется и здѣсь длинный рядъ состояній, предметовъ и людей, могущихъ такъ или иначе вызвать „порчу“, сглазить, изурочить и т. д. Въ числѣ лихихъ людей играетъ, конечно, самую видную роль колдунъ и вообще лица, которыя по какому-то ни было внѣшнему признаку, тѣлесному недостатку и пр. возбуждаютъ подозрѣніе, что они находятся въ сношеніяхъ съ нечистой силой. Страждущій человѣкъ обращается къ небеснымъ силамъ съ молитвою помочь ему отъ урочливаго человѣка, отъ прикосливаго человѣка, отъ чернаго, отъ черемнаго, отъ русаго, отъ бѣлаго, отъ черноглаза, отъ сѣроглаза, отъ бѣлоглаза, отъ черноплота, отъ сѣроплота, отъ бѣлоплота, отъ одножена (одноженца), отъ двоежена, отъ одностуба, отъ двоезуба и отъ троезуба, и отъ колдуна... отъ сутулаго и отъ горбатаго, напередъ поклятаго... отъ дѣвки простоволоски ²⁾; отъ сопливца, пучеглаза, кривого, слѣпого, отъ плѣшатаго ³⁾. Бѣлорусскій заговоръ такого же типа, перечисливъ разноцвѣтные глаза, которые могли изурочить больного, продолжаетъ: и того выговариваю, который два раза жанився, и того выговариваю, который два раза матки ссавъ, и того выговариваю, который у хлѣби споръ отбиравъ ⁴⁾. Странно упоминаніе рядомъ съ колдунами еретиковъ: бѣдствіе можетъ быть названо „отъ еретикъ и еретицъ, колдуновъ и колдуней, вѣдуновъ

¹⁾ Въ этомъ отношеніи молитвы тревника, апокрифическія заклинанія болѣзни и народное преданіе представляютъ большое сходство между собою.

²⁾ Виноградовъ, „Заговоры“, II, № 16. „Труды Ярославск. статист. ком.“ V, 176.

³⁾ Виноградовъ. № 31.

⁴⁾ Романовъ, „Бѣлор. Сб.“ V, 150.

и вѣдуней ¹⁾." Это обстоятельство точно такъ же какъ и перечисленіе „всего крылоса“, попа, дьякона „подоморя“, чернеца, чернечихи, дьячка, дьячихи, и даже бабушки просвири ²⁾, находитъ свое объясненіе въ томъ несомнѣнномъ фактѣ, что низшее духовное сословіе и въ особенности раскольники уже въ XVI в. занимались сочиненіемъ и списываніемъ разныхъ суевѣрныхъ тетрадей, въ томъ числѣ и „черныхъ книгъ“. (См. мою работу *Über russische Zauberformeln*. Helsingfors, 1909). Иначе какъ съ исторической точки зрѣнія мы и не можемъ смотрѣть на подобные списки заговоровъ. Только благодаря письменной традиціи передъ нами развертывается картина историческаго прошлаго. Странно было бы слышать о пищаляхъ, бердышахъ, о кулачныхъ бояхъ и „ратномъ дѣлѣ“, и скажемъ даже о той всезахватывающей боязни передъ „лихимъ человѣкомъ“ и въ частности передъ „властями“, которой вѣдетъ заговоръ, если мы не вникнемъ въ бытъ и взгляды минувшихъ вѣковъ и если мы не примемъ во вниманіе массоваго психоза, который въ видѣ вѣрованія въ колдовство свирѣпствовалъ во всей Европѣ въ промежутокъ нѣсколькихъ вѣковъ, и что касается заговоровъ противъ судей и властей, угнетеннаго положенія бѣглеца-раскольника, преслѣдуемаго церковной и гражданской властью ³⁾.

Въ чемъ же заключается дѣятельность колдуна и въ частности каково содержаніе тѣхъ заклинаній, которыя уже самъ народъ различаетъ отъ чистыхъ „заговоровъ-молитвъ“ ⁴⁾, считая употребленіе первыхъ великимъ грѣхомъ ⁵⁾? Тамъ, гдѣ нужна помощь чорта, будь это съ цѣлью изгнанія плода, или чтобы привратить или отвратить любовь, исправить порчу того-же или другого колдуна, присаживать какую-нибудь болѣзнь ⁶⁾ и чтобы портить новобрачныхъ ⁷⁾, тамъ прибѣгаютъ къ содѣйствию колдуна. Тотъ приступаетъ къ своему дѣлу во имя чорта. Завязывая на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ человѣкъ, 9 узловъ на ниткѣ,

1) Виноградовъ. II, № 51.

2) Ibid., 16, 95.

3) Когда въ заговорѣ упоминаются дѣвки и бабы простоволоски, ср. Майковъ, Великорусск. закл. № 330, то мы можемъ сблизить ихъ съ тѣми босыми кликушами съ распущенными волосами, которыя, по словамъ етоглаваго собора, назывались лживыми пророчицами. Забылинъ, Р. народъ, 414.

4) Этн. Обзор. 1896, 2—3, 180.

5) Арх. Г. О. VII, 78, 107.

6) Жив. Ст. 1896, II, 196.

7) Майковъ, № 48.

чернокнижникъ приговариваетъ: завязываю тебя во имя чорта, всемогущаго и проклятаго дьявола, на смерть (или на мѣсяць болѣзни), чтобы тебѣ было больно и нудно ¹⁾). Наговоръ на болѣзнь человѣка можетъ имѣть и слѣдующее содержаніе: колдунъ говоритъ, что онъ выйдетъ въ сѣни, станетъ на колѣни и начнетъ молиться „всѣмъ нечистымъ духамъ и самому сатанѣ“. Онъ проситъ ихъ превратить его горностаемъ, чтобы ему легче было добраться до того мѣста на западно-сѣверной сторонѣ, гдѣ, на островѣ Ледовитаго океана, проживаютъ сонмы злыхъ духовъ. Молитвой къ нимъ, чтобы они причинили человѣку болѣзнь, колдунъ заканчиваетъ свои слова ²⁾). Передъ началомъ наговора онъ обыкновенно снимаетъ съ шеи крестъ и кладетъ его подъ пяту, какъ бы подчеркивая свое отступничество отъ церкви. Ученая черная магія требовала этого вездѣ отъ всякаго, кто хотѣлъ воспользоваться услугами дьявола. Онъ долженъ былъ по правиламъ черной книги отречься отъ Бога и всего того, что касается религіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ оказать сатанѣ божественное почитаніе, при чемъ не велѣно было показываться мытымъ и причесаннымъ ³⁾). Параллельно этому и русскій колдунъ отрывается отъ Бога и отъ всего нравственнаго въ мірѣ: „отъ истиннаго Христа, и Матери Божіей Богородицы, и отъ своего отца и матери, и отъ своихъ живыхъ родителей и мертвыхъ, и отъ своего белаго свету, и прирекается къ сатанѣ и къ Лотону угоднику“ ⁴⁾), послѣ чего уже бѣсы появляются, готовые къ услугамъ. Кого надо подразумѣвать подъ названнымъ „угодникомъ“, который очутился представителемъ нечистой силы? Мы думаемъ, что здѣсь скрывается представленіе о сотникѣ Логинѣ, подобно тому, какъ западная легенда усматриваетъ въ немъ врага Христа, слугу сатаны ⁵⁾).

1) Сумцовъ, „Култ. переживанія“, 262.

2) Арх. Г. О., VII, 70, 8.

3) Berwiński, *Studia o literaturze ludowej* I, 157, *Schriften der hist-stat.S ekt. der k. k. mähr. schl. Ges. des Ackerb., der Natur- und Landeskunde* IX. 1856, 80.

4) Срезневскій, *Отчетъ... о поѣздкѣ въ Волог. губ.* Спб. 1903, 154.

5) Получивъ однако исцѣленіе (онъ былъ слѣпой) отъ истекающей изъ Иисусоваго бока крови, сотникъ увѣровалъ въ Бога и умеръ мученикомъ. О его хожденіи въ Римъ существуетъ апокрифъ, къ которому относится слѣдующее сравненіе въ одномъ вологодскомъ заговорѣ: „Какъ идетъ Логинъ сотникъ въ Иустинову палату и... Иустинова палата велми потрясеса, и какъ на Логина не могли сотника злыя супостаты—глагольскія уста ихъ оловомъ заливалися, языкъ ихъ одеревенѣлъ... Виноградовъ, I, № 1. Соответствующее мѣсто въ апокрифѣ звучитъ: егда вииде Логинъ сотникъ паки

Еще подробнѣе мы познакоимся съ колдунскими приѣмами, если сосредоточимъ свое вниманіе на т. н. начальныхъ словахъ, на томъ стереотипномъ вступленіи, которое такъ часто безъ малѣйшаго основанія ставится въ начало формулы. Зная литературное (западное) происхожденіе вступленія¹⁾, мы должны отнестись съ извѣстной осторожностью къ словамъ заговора, такъ какъ многое, вмѣсто того, чтобы отразить реальный обрядъ, является только искусственной перестановкой словъ и образовъ. Между тѣмъ какъ обыкновенный знахарь ложится спать и встаетъ рано утромъ въ смиреніи и благословеніи, колдунъ категорически заявляетъ: лягу не благословясь, встану не перекрестясь, умываюсь я не водой²⁾ или: Встану я рабъ Божій (!), не благословясь, пойду не перекрестясь... на закатъ красна солнышка, на восходъ ясна мѣсяца³⁾. Выходить, стало-быть, по этимъ словамъ, что заклинаніе происходитъ вечеромъ или на ночь, о чемъ свидѣлствуютъ слѣд. слова, взятая изъ другой связи: По позднему вечеру выйду я на улицу, и откажусь отъ Иисуса Христа, отъ царя земнаго, отъ Бога вышняго, отъ вѣры православной, отъ батюшки, отъ матушки. Предаюсь я къ нечистому духу, къ окаянной силѣ, прошу я ей помощи...⁴⁾ Все то, что въ словахъ обыкновеннаго шептуна проникнуто глубокимъ христіанскимъ духомъ, какъ его воображаемое хожденіе въ восточную святую землю, на Сіонскія горы, подъ „солнце праведное“ (= образъ Христа), на святую росу, все это получаетъ у колдуна другой, противоположный смыслъ. Онъ воображаетъ, что выходитъ не изъ дверей, а въ окошко, въ подворотню,⁵⁾ не въ ворота, о подвальныхъ бревномъ и дымнымъ окномъ⁶⁾, собачьими дырами⁷⁾ и мышиной норой⁸⁾. Не путемъ дорогой, а „косыми огородами“⁹⁾, тараканьими

въ полату кесареву, и тогда бытъ трусь велій и поколебася основаніе полатное... тогда кесаря и всѣхъ предстоящихъ людей обятъ страхъ велій и не можаху зрѣти на Логина. Франко, Апокрифи і Легенди, II, 351. Логинъ какъ противникъ Христа, см. Bugge, Studien über die Entst. der nord. Götter- und Heldensagen, 35.

1) См. мою книгу о русскихъ заговорахъ.

2) Изв. Общ. Арх... при Каз. Ун. X 338.

3) Виноградовъ. I, № 122.

4) Забылинъ. 396.

5) Труды этн. отд. IX охотничій заговоръ.

6) Тр. Арх. стат. ком. I, 43.

7) Арх. Г. О. I, 57, 75.

8) Виноградовъ. 55.

9) Арх. Г. О. VII, 78, 108.

тропами ¹⁾), „заячьимъ слѣдомъ, собачьимъ набѣгомъ“ ²⁾) достигаетъ онъ наконецъ цѣли своего путешествія. Таковой считается то обыкновенное „чистое (= святое) поле“ на восточной сторонѣ, то какое-то мѣсто на „ночной сторонѣ“ ³⁾), то, чаще всего, западъ. Указывая на демоническій характеръ своего заклинанія, колдунъ говоритъ: стану тыломъ на востокъ, глазами на западъ ⁴⁾), чтобы онъ только не видѣлъ востока, связаннаго съ христіанскими идеями. Теперь онъ не нуждается въ помощи тѣхъ свѣтлыхъ силъ, которыя обитаютъ на восточномъ алтарь-намѣ, и поэтому онъ стремится „въ темный лѣсъ“ ⁵⁾), въ темную, „туманную“ сторону, подъ „толстыя облака“ ⁶⁾). Далѣе, мѣсто, куда отправляется колдунъ, называется „злымъ“ ⁷⁾) въ противовѣсъ „лобному“ мѣсту „чистыхъ“ заговоровъ ⁸⁾), отъ котораго злобное на нашъ взглядъ является умышленнымъ искаженіемъ. Умываніе Сіонской росой и утираніе Господней пеленой, конечно, такъ же измѣняются въ томъ же духѣ: умыюсь ни водою, ни росой, утрусь ни тканымъ, ни пряденнымъ, утрусь кобыльимъ хвостомъ ⁹⁾).

Выходитъ такимъ образомъ, что западъ и сѣверъ имѣютъ по русскимъ заговорамъ какое-то отношеніе къ чертямъ; тамъ воображаютъ себѣ ихъ мѣстопребываніе, туда обращается за помощью черноенижники: „посмотрю въ чистое поле въ западную сторону подъ сыру матерую землю и пойду я, своей буйною головою о землю сыро-матерую поклонюсь и помолюсь самому сатанѣ“, написано въ старинномъ любовномъ заклинаніи ¹⁰⁾). Здѣсь обнаруживается кромѣ того одна любопытная черта: подземелье и его властелинъ. Такой же смыслъ скрывается еще въ другомъ заговорѣ: Есть въ туманной сторонѣ подъ толстыми облаками глубоко омутъ ¹¹⁾), въ томъ глубокомъ омутѣ влялъ мужъ чортъ... ¹²⁾) Когда лихорадку, Иродовую дочь, отсы-

¹⁾ Ibidem I, 57, 75.

²⁾ Тихонравовъ. Лѣтописи III, 92.

³⁾ Тр. этн. отд. IX.

⁴⁾ Арх. Г. О. VII, 44, I, 100, Виноградовъ I, № 55.

⁵⁾ Арх. Г. О. I, 57, 75.

⁶⁾ „Русск. Старина“ 1893. I, 220.

⁷⁾ Тихонравовъ. 92.

⁸⁾ Моя работа. 158.

⁹⁾ „Русск. Старина“ I. с. Ср. Изв. Общ. Арх. при Каз. Ун. I. с.

¹⁰⁾ Тихонравовъ. 92, Виноградовъ. № 55.

¹¹⁾ Ср. „въ тихомъ омутѣ черти водятся“.

¹²⁾ „Русск. Старина“ I. с.

даютъ „ко отцу своему сатанѣ на запать и... въ тартаръ“¹⁾, то это отражаетъ широко распространенную легенду, по которой земля пожрала живой Продиаду. Объ этомъ рассказываютъ три-савицы по словамъ апокрифической молитвы: егда отецъ нашъ Продъ отѣче главу Иоанна Предтечи, тогда земля пожре насъ живыхъ и пріять насъ къ себѣ сатана²⁾. Опъ тамъ не одинъ, а имѣетъ подъ своей властію большое количество слугъ, какъ говорится въ цѣломъ рядѣ „приворотовъ“. Сравните слѣд. слова въ русскомъ заклинаніи: раздайся, адъ, разступися, мать сыра земля! изъ этой земли выходите сто семьдесятъ дьяволовъ... одинъ бѣсъ Сольца³⁾, съ румынскимъ приворотомъ: Я трясу колъ, колъ трясеть заборъ, заборъ трясеть перелазъ, перелазъ трясеть грязь, грязь трясеть землю, земля трясеть озеро, озеро трясеть дьявола, дьявола самага большого, самага сильнаго изо всѣхъ чертей. Ты, Вельзевулъ, выйди изъ своего логовища и созови всѣхъ своихъ чертей⁴⁾. Заслуживаетъ вниманія, что въ галицкомъ оберегѣ противъ колдуновъ Вельзевула замѣняетъ Люциферъ⁵⁾:... шатанни проклятии и тебе старшѣй Люципере, который маешь моцъ надъ всѣми шатанами въ пеклѣ, абысь розказалъ всѣмъ шатаномъ, подвластимъ въ пеклѣ тимъ недопомогати чаровати чаровникамъ.

Злые духи, какъ олицетворенія болѣзни, очень часто не только по русскимъ, но и по западнымъ заклинаніямъ выгоняются на дикія болота, на глубокія озера, въ непроходимыя мѣста подземелья, гдѣ солнца не видно и человѣческаго голоса не слышно. вмѣстѣ съ бѣсами тамъ водятся нечистые умершіе. Колдунъ, желая порчи человѣка, отправляется въ лѣсъ къ осинѣ и обращаясь на западъ лицомъ, проситъ „умершихъ, убитыхъ, съ древа падшихъ, заблудящихся, не крещенныхъ, безыменныхъ встать“ и повредить человѣку⁶⁾. Къ разряду нечисти, „отпадшей силы“ (Виноградовъ. I, № 33. Ср. легенды о низверженіи Сатанаила), принадлежатъ еще лѣшій и домовой. Когда просятъ у нихъ благословенія, то запрещается при этомъ креститься: „ѣнъ и самъ ня хрищѣнъ“. Заклинаніе говорится вечеромъ, послѣ солнечнаго заката, и

1) Тр. Арх. ст. к. 38.

2) Тихонравовъ. 79.

3) Виноградовъ I. с.

4) Этн. Об. 1897, I, 193.

5) Ibidem 1890, II, 74. Имя его даже переведено однажды по-русски: Денница. Виноградовъ. II, стр. 66.

6) Олон. губ. вѣд. 1876, № 15.

оно состоитъ изъ слѣдующей угрозы: „не я цабе гоню, гоницъ, ця Хриситось и святая Лука, гонять цабе огнемъ, пламенемъ желѣзнымъ прутомъ“¹⁾. Въ заговорѣ на удачную ловлю звѣрей фигурируютъ загонщиками „сатанайлы“ и лѣшіе²⁾. Когда мать, провожая сына въ путешествіе, произноситъ ему оберегъ, то она не забываетъ въ числѣ опасныхъ враговъ упомянуть и лѣшаго, чужого домового³⁾.

Адъ изображается въ видѣ чернаго моря, черной рѣки: „Въ темномъ лѣсу есть черное море, въ черномъ морѣ плаваютъ чертъ и чертуха, водяной и водянуха“⁴⁾, или „въ чистомъ полѣ бѣжитъ рѣка черна, по той рѣкѣ черной ѣздитъ чертъ съ чертовкой“⁵⁾. Рѣка называется „Смородиной“ (= смрадной): По той рѣкѣ, Черной Смородинѣ, бѣжитъ легкая малая лодка, въ той... лодкѣ сидитъ старъ, матеръ человѣкъ... везетъ онъ мертво тѣло⁶⁾. Онъ вѣроятно самъ сатана, везущій умершихъ; въ видѣ огромнаго старика онъ знакомъ и христіанскому искусству⁷⁾. Такими же чертами, съ той лишь разницей, что мѣсто-пребываніемъ его считаютъ огненную рѣку ада, изображается онъ въ сѣверномъ заговорѣ отъ обжога: Въ чистомъ полѣ есть огненная рѣка, въ огненной рѣкѣ лежитъ старъ матеръ, ни прить, ни горить, ни прындиваетъ⁸⁾. Рѣка здѣсь помѣщается на восточной сторонѣ, тамъ гдѣ обыкновенно стоятъ Сіонъ и престолъ Господній, вѣроятно на томъ же основаніи, какъ въ апокрифической молитвѣ, заклинающей дьявола во имя того, который сидитъ на престолѣ своемъ и *передъ* которымъ бѣжитъ огненная рѣка страшнаго суда⁹⁾. Неугасимый огонь наивно передается въ образѣ бани, огненной печи: „въ ночной сторонѣ черное море, въ черномъ морѣ черная баня, дрова горять“¹⁰⁾; или: „въ чистомъ полѣ, на краю синяго моря поставлены три огненныхъ печи: печь израцатая, печь желѣзная и печь булатная. Во тѣхъ трехъ печахъ горять-раз-

¹⁾ Шейнъ, Матер. для из. сѣв.-зап. края. II, 522, 530, ср. Романовъ V, 138.

²⁾ Сахаровъ, Р. народн. чернокижкіе. 41, Труды Ярослав. стат. комит. V, 174 Труды Этнограф. Отдѣла IX, 1. с.

³⁾ Сахаровъ. 63.

⁴⁾ Арх. Г. О. I, 57, 75.

⁵⁾ Майковъ. № 33.

⁶⁾ Виноградовъ. I, № 134, немалъ человѣкъ, *ibidem* II, 73.

⁷⁾ Покровскій „Стѣнная роспись въ др. храмахъ“ 59.

⁸⁾ Арх. Г. О. I 1. с.

⁹⁾ Соколовъ, Мат. и зам. по стар. р. лит. I, 47. См. въ дух. стихѣ: Протечетъ рѣка огненная отъ востоку до запада Ж. М. Н. II, 118, 14.

¹⁰⁾ Забылинъ. 338.

гараются, таютъ-растопляются дрова дубовые, дрова смолевые¹⁾. Слѣдуетъ замѣтить, что по нѣкоторымъ вариантамъ печами завѣдуетъ извѣстное женское демоническое существо Баба-Яга. О ней говорятъ, что она выходитъ изъ-подъ крестнаго дерева, сорочинскаго дуба, и пожигаетъ тридцать сажень дубовыхъ дровъ²⁾. Она живетъ со своими 77 дочерьми „на мѣднхъ, на свѣтлхъ, каленхъ печахъ“³⁾. Съ ней можно сравнить Соломію, „царицу Ирода царя“ съ дочерьми-трисавицами⁴⁾, которыхъ такъ же перѣдко 77 душъ. Ту же Бабу-Ягу мы по всей вѣроятности имѣемъ въ слѣдующемъ бѣлорусскомъ заговорѣ:

... подѣ тымъ дубомъ (на Сіонской горѣ) сядциъ старушка старенькая, кладзецъ огонѣкъ синенькій и сильненькій, пякець сало и пускаецъ духи на ўси сухія цѣмныя ласы⁵⁾:

Адскимъ огнемъ объясняется, по нашему мнѣнію, еще то обстоятельство, что въ приворотахъ такъ часто упоминается огонь въ рукахъ бѣсовъ: они отправляются жечь лѣсъ и озера, пусть они скорѣе зажгутъ сердце у NN пламенемъ любви⁶⁾. Приводится и огненный змѣй, который „снаряжается зажигать горы и доли и быстрыя рѣки“⁷⁾, хотя и нельзя упустить изъ виду, что огонь въ приворотахъ можетъ быть и другого, небеснаго происхожденія. Обращаются напр. къ св. Георгію Храброму: „спусти съ неба огненное пламя“⁸⁾, подѣ которымъ вѣроятно подразумѣвается „огненная стрѣла“ молніи⁹⁾, или просятъ нечистыхъ духовъ достать пламя изъ горячаго алтарь-камня¹⁰⁾. Подобную странную двойственность мы встрѣчаемъ и въ другомъ образѣ, употребляемомъ тѣми же присушками. Мы имѣемъ въ виду частое обращеніе къ вѣтрамъ, олицетвореннымъ то въ образѣ бѣсовъ, то въ лицѣ святыхъ, опять-таки съ просьбой навѣять сухоту на человѣка. Извѣстно народное повѣрье о томъ, что въ вихрѣ носится чортъ¹¹⁾. На этомъ осно-

1) Виноградовъ. I, № 87, ср. Ефименко. Мат. по этн. Арх. губ. II, 141.

2) Ефименко. 143.

3) Ефименко. 140.

4) Майковъ. № 28.

5) Романовъ. 172.

6) Изв. О. Арх. Каз. Ун. X, 337, Арх. Г. О. VII, 78, 108; Олон. г. в. 1876 № 18; у тѣхъ сорока сатанъ въ устахъ огонь горитъ.

7) Библ. для чт. 1848. 90, 48; Арх. Г. О. VII, 44, II, 100.

8) Виноградовъ. I, № 59.

9) Ср. Майковъ. № 6.

10) Майковъ. № 28. Почему алтарь называется горячимъ, см. мою работу стр. 188.

11) Ср. вихрь=чертова мать въ латышскомъ заговорѣ Тр. этн. о. VI, 156.

ывається представленіє заговорівъ о духѣ-вихрѣ, летающемъ „изъ чистаго поля со своею негодною силою“¹⁾). Онѣ причисляются къ сонму злыхъ духовъ въ заговорѣ бортника вмѣстѣ съ звѣремъ, лихимъ челоувѣкомъ, лѣшимъ и водянымъ²⁾). Его называютъ Вихремъ Вихоревичемъ³⁾): „... помолось 12-ти вѣтрамъ и 12-ти вихорямъ. У тѣхъ же вѣтровъ и у тѣхъ же вихоревъ есть дядушка Вихоръ Вихоревичъ“⁴⁾). Въ роли начальника надъ своей челядью онѣ соотвѣтствуетъ Вельзаулу „князю бѣсовъ“⁵⁾ и Сатанѣ Сатановичу въ присушкѣ⁶⁾). Опредѣленіе числа вѣтровъ въ приведенномъ заминаніи относится къ апокрифическимъ вопросамъ и отвѣтамъ. На вопросъ, сколько вѣтровъ на землѣ, Іоаннъ Дамаскинъ отвѣчаетъ: двѣнадцать⁷⁾. Въ христіанской аллегоріи вѣтры олицетворялись въ видѣ четырехъ ангеловъ, расположенныхъ на четырехъ странахъ свѣта⁸⁾. Съ ними смѣшивались четыре апостола-евангелиста, изъ которыхъ по словамъ Бесѣды трехъ святителей⁹⁾ Матѳеѣ помѣщается на востокѣ, Маркъ на западѣ, Іоаннъ на сѣверѣ и Лука на югѣ. Слабымъ отраженіемъ этого сказанія является: братская связь вѣтровъ въ присушкахъ, какъ напр. „четыре брата вѣтра буйныхъ“¹⁰⁾, упоминаніе четырехъ ангеловъ, идущихъ изъ чистаго поля¹¹⁾, и названіе одного изъ братьевъ Лукой (Вѣтръ Моисей, вѣтръ Лука, Майковъ. № 1). Такое же смѣшеніе образовъ наблюдается съ другой стороны въ представленіи объ „океанскихъ“ кузнецахъ. Въ двѣнадцати кузнецахъ-братьяхъ, живущихъ на островѣ Буинѣ¹²⁾, проглядываютъ апостолы. Кузнецы иногда прямо называются евангелистами (Виноградовъ, II, № 87). Порою число братьевъ увеличивается до 77¹³⁾, причемъ они изображаются сидящими на океан-

1) Майковъ. № 29.

2) Ж. М. Н. Пр. 117, 33.

3) Онѣ же въ сказкахъ. У румынъ злые духи Iele называются господами вѣтровъ. Alecsandri, Poesii populare ale romanilor 10, Saineanu, Studii folklorice 80.

4) Виноградовъ. I, 107.

5) Виноградовъ. II, № 16.

6) Забылинъ. 305.

7) Арх. Г. О. VII, 40, 14, 21. XIV, 106.

8) Ср. Апокалипсисъ VII 1, Аонасьевъ „Поэт. возр.“ I, 539.

9) Арх. Г. О. VII, 40, 20.

10) Ефименко. 143; Виноградовъ I, № 124, Майковъ. № 2—3.

11) Майковъ. № 18.

12) Арх. Г. О. VII, 44, I, 17.

13) Ср. 70 апостоловъ; 70 вѣтровъ у Ефименко, 139.

скомъ столбѣ, символѣ алтаря и церкви, и кующими день и ночь стрѣлы вѣроятнo противъ злыхъ намѣреній нечистаго духа ¹⁾. Какъ ни странно, въ кампаніи ихъ является и бѣсъ: „На морѣ на Окіяніѣ, на островѣ на Буяніѣ стоятъ три кузницы. Куютъ кузнецы на четырехъ станкахъ. Бѣсъ Салчакъ, не куй бѣлаго желѣза, а прикуй добраго молодца...“ ²⁾ Любопытная черта о чертовой троицѣ обнаруживается въ слѣдующей присушкѣ такого же типа. На морѣ Кіяніѣ... лежатъ камень Китра, подѣ Китрою лежатъ три черта братія: они бьютъ и выбиваютъ пудъ мѣди, желѣза и укладу ³⁾. Замѣтимъ кстати, что представленіе о трехъ братьяхъ чертовыхъ пользовалось популярностью въ средневѣковыхъ сказаніяхъ запада ⁴⁾. Въ русскомъ заговорѣ XVII в. они называются сыновьями Бабы-Яги: Вези, Пузи и Сини ⁵⁾.

Нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ заговоровъ относятся къ разряду тѣхъ, въ которыхъ представитель злого начала является въ какой-нибудь связи или съ событіями изъ евангельской исторіи или съ христіанской символичкой, такъ разнообразно высказывающейся въ русскихъ заговорахъ. Любимымъ центральнымъ мѣстомъ, вокругъ котораго собираются сонмы святыхъ и нечистыхъ духовъ, и гдѣ обыкновенно происходитъ поражение послѣднихъ, служить „дубъ на океанѣ“, крестное дерево, вырастающее какъ орудіе спасенія изъ моря-океана грѣшнаго человечества (ср. наше объясненіе моря и Буяна). Взвивающаяся по стволу змѣя, какъ воплощеніе дьявола, и роль дерева въ побѣдѣ надъ „княземъ міра сего“, объясняютъ намъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ принимать его отношеніе къ дереву. Въ румынскомъ заговорѣ разсказывается, какъ большой отпра-вляется куда-то дорогой и приходитъ, равно какъ и заговаривающій въ русскихъ заклинаніяхъ, къ крестному дереву, „бѣлой яблони, съ стволомъ бѣлымъ, съ кожей бѣлой, съ вѣтками бѣлыми, съ листьями бѣлыми, съ яблоками бѣлыми“. „Тамъ уже сошлись нечистыя силы: Стригон, Морон, Змѣи, Триполоки со своими женами“ ⁶⁾. Русскіе варианты помѣщаютъ около дерева Бабу-Ягу, Ирода съ Иудой — предателемъ и съ родней,

¹⁾ Майковъ. № 21.

²⁾ Майковъ. № 16.

³⁾ Чтенія... при Московск. Ун. 1867. 4, 161.

⁴⁾ Бугге. 75 слѣд.

⁵⁾ Рус. Стар. I. с. 218.

⁶⁾ Этнограф. Обзор. 1897, I, 202.

Саломона, повелителя духовъ ¹⁾, взятаго изъ средневѣковаго повѣрья, и конечно самого „старога бѣса-собаку“. На Сионѣ-матушкѣ растетъ дубъ-стародубъ, подь тѣмъ дубомъ-стародубомъ лежитъ цѣпь желѣзная, обвита вокругъ дуба, къ этой цѣпи привязанъ старый бѣсъ, собака... ²⁾. Въ связи съ крестнымъ деревомъ стоитъ, сверхъ того, представленіе о чортѣ, пребывающемъ въ дубовой колодѣ и въ ракитовомъ кустѣ. Мать пречистая, говоритъ бѣлорусскій заговоръ, пріѣхала на сивой кобылѣ къ дубовому пню, „у томъ пни сядзиць сивый чортъ“ ³⁾. По другому варианту ⁴⁾ приходитъ она къ ракитовому кусту, въ которомъ сидитъ злая чародѣйница. Она несомнѣнно Баба-Яга, чортова мать, которая какъ уже сказано, „выходитъ изъ-подъ сорочинскаго дуба“ или терноваго куста, гдѣ у нея шелковая пряжа, какъ и у Богородицы въ заговорахъ отъ кровотеченія ⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ мы уже имѣли случай показать, что терновый кустъ примыкаетъ къ символикѣ неогораемой купины ⁶⁾; прибавляемъ дальнѣйшую символическую черту: у ракитоваго куста бьетъ ключъ, изъ-подъ котораго бѣжитъ та же чудесная вода, какъ по Голубиной книгѣ изъ-подъ алтарь-камня ⁷⁾. Укажемъ еще въ связи съ предыдущимъ на народное повѣрье въ южной Россіи, что чортъ любитъ бузиный кустарникъ и сухую вербу ⁸⁾.

Нѣкоторые бѣлорусскіе и малорусскіе заговоры отъ перелоговъ высилаютъ болѣзнь чорту въ ноги послѣ эпической части, гдѣ говорится о Богѣ или какомъ-нибудь святомъ, идущемъ вмѣстѣ съ чортомъ или сидящемъ съ нимъ за однимъ и тѣмъ же столомъ. Любопытны случаи, когда чорта замѣняетъ Иродъ ⁹⁾ или Іуда. Понятно, что эпизодъ съ предателемъ восходитъ къ евангельскому разсказу о тайной вечерѣ. Харьковскій вариантъ представляетъ намъ картину въ такомъ освѣщеніи: На гори на окіяни, на острови Буяни стоитъ калыновый стовпъ, на

¹⁾ „Своею мудростью царь Саломонъ владѣеть сорока сатанами“. Олон. г. в. 1. с.

²⁾ Виноградовъ. I, № 40, ср. Романовъ. 174.

³⁾ Романовъ. 192, см. Майковъ. № 25: Страхъ-Рахъ, повелитель вѣтровъ, на дубовой колодѣ Океанскаго моря.

⁴⁾ Романовъ. 145.

⁵⁾ Ефименко. 143, Р. Стар. 1. с.

⁶⁾ Über russ. Zauberf. 138, 140.

⁷⁾ Арх. Г. О. VII, 44, I, 57.

⁸⁾ Зап. юго-зап. о. Г. О. II, 82, Отчетъ о 22 прис. наградъ Уварова 179.

⁹⁾ Кіевская Стар. 1903, VII, 26.

тимъ стовбі калыновѣй мистѣ, на тимъ мосту стоить стилъ, на тимъ столи стоить чаша вина и просквира, пидъ столомъ или „у порозі“, лежить Іюда — и ци перелогы Іюди на здорови ногы ¹⁾. Какъ видно подобрапъ тотъ моментъ, когда предатель покидаетъ своего учителя, послѣ того какъ дьяволъ вселился въ немъ, и поэтому становится яснымъ, почему болѣзнь вообще отсылають къ чорту въ ноги.

Что касается Ирода и его родни, то они играютъ видную роль въ русскихъ заговорахъ. Царь Иродъ называется сатаной, которому подвластны мелкіе бѣсы: „На западной сторонѣ живеть самъ сатана, злой мучитель Иродъ царь. Ай же ты, самъ сатана, злой Иродъ царь, пошли ты рабу... триста бѣсовъ, пятьдесятъ дьяволовъ, три и два и единого похотнаго бѣса Енаху“ ²⁾. Вѣроятно подъ влияніемъ разсказа объ избіеніи дѣтей образовался заговоръ противъ ворона, мѣшающаго охотнику: „полети съ моей тропы, съ моего согдыя, за синее море, ко Ироду царю; тамъ Иродъ царь бьется, дерется, кровь проливаетъ“ ³⁾. По словамъ апокрифа онъ былъ наказанъ страшной кончиной: черви его расточили живого. Слѣд. заговоръ относится къ его смерти; „...на пути (вост. стороны) стоить гробница, въ этой гробницѣ лежить царь Иродъ, и этого царя тѣло остолбенѣло, глаза его обмѣденѣли, и языкъ у него не ворочается, и нѣтъ у него ни ума, ни разума“ ⁴⁾. Надо однако жъ замѣтить, что заговоръ не дѣлаетъ различія между Иродомъ-дѣтоубійцей и мучителемъ Іоанна. Послѣдняго вмѣстѣ съ женою и дочерьми мы узнаемъ въ заговорахъ отъ лихорадки.

II.

(Заговоры отъ лихорадки.—Схема ихъ, мѣсто дѣйствія, святыя.—Имя Сисинія не подлинно въ заговорѣ.—Отношеніе заговора къ апокр. молитвамъ отъ Нежити.—Лат. *Nescia*, слав. Невѣя.—Отношеніе типа къ апокрифу о преніи Христа съ дьяволомъ).

Заговоры противъ трясавиць относятся къ обширному общехристіанскому циклу апокрифическихъ молитвъ, схема которыхъ сводится къ слѣдующему: гдѣ-нибудь на святой землѣ происходитъ

¹⁾ Арх. Г. О. XLIV 19, 77.

²⁾ Виноградовъ. I № 41. О тѣхъ же трехъ бѣсахъ, которые выступаютъ дѣйствующими лицами въ приворотахъ, сказано, что они находятся на службѣ у Ирода. Забылинъ. 313.

³⁾ Ефименко. 182.

⁴⁾ Майковъ. № 341.

встрѣча святыхъ съ олицетвореніемъ болѣзни; на вопросъ отвѣчаетъ злой духъ, кто онъ такой и куда онъ намѣревается; святые запрещаютъ мучить людей и выгоняютъ его. Мы не будемъ приводить всѣмъ извѣстныхъ толкованій Веселовскаго, Мансветова, Соколова и другихъ, которые пользовались обильнымъ восточнымъ матеріаломъ для объясненія даннаго заговорнаго типа. Къ дополненію тому, что мы уже успѣли сказать на основаніи западныхъ варіантовъ о неоспоримой связи между этимъ заговоромъ и извѣстнымъ апокрифомъ „о побѣдѣ дьявола, како бесѣдоваху Ісусъ Христосъ со дьяволомъ на горѣ“¹⁾, обращаемъ вниманіе на нѣкоторыя детали. Мѣстомъ, гдѣ собирается нечистая сила, является почти безъ исключенія святая гора съ ея многими символическими замѣнами, при чемъ не безъ аллегорическаго значенія и то обстоятельство, что трясавицы, Нежить и пр. выходятъ изъ моря: изъ моря океана грѣховъ. Упоминаются Голгова, лобное мѣсто²⁾, Фаворъ, Сіонская г. Синайская гора, Іерусалимъ городъ: подъ искаженными названіями Іуланъ³⁾, Ефестъ⁴⁾; символическій Буянтъ, святой островъ Божій⁵⁾, и бѣлый алтарь камень⁶⁾. Подъ океанскимъ дубомъ скрывается здѣсь, какъ и вообще въ заговорахъ, крестное дерево. Оно получаетъ рядъ интересныхъ эпитетовъ, относящихся отчасти къ его внѣшнему виду, отчасти къ символическимъ сближеніямъ. Его называютъ съ одной стороны бѣлымъ, карколистомъ, сырмъ, вышнимъ⁷⁾; съ другой стороны Мамврійскимъ⁸⁾, венерьскимъ⁹⁾ и Ракитанимъ съ 12-ю кокотами, на которыхъ сидитъ по одной трясавицѣ¹⁰⁾. Последнее названіе стоитъ очевидно въ связи съ ракитовымъ вустомъ, упомянутымъ символическимъ образомъ святой горы. Наконецъ еще одна характерная замѣна крестнаго дерева: святая „яблынка“, подъ тѣнью которой демонъ терпитъ поражение¹¹⁾.

Что касается святыхъ побѣдителей демона, то трудно сказать,

1) См. Über russ. Zauberf. 44 сл.

2) Виноградовъ. I, № 98.

3) Ветуховъ „Заговоры“ 167.

4) Виноградовъ I. с.

5) Ветуховъ. 150.

6) Романовъ. 101, Ефименко. 206.

7) Виноградовъ. I, 102.

8) Ветуховъ. 170, отсюда вѣроятно „Лаврентій“ Виноградовъ. I, 101.

9) Ветуховъ. 155.

10) Романовъ. 171.

11) Ветуховъ. 167.

кто изъ нихъ пользуется предпочтеніемъ передъ другими. Роль эта въ большинствѣ случаевъ раздѣлена между нѣсколькими; въ числѣ ихъ замѣчаются архангелы, Моисей и патріархи, апостолы, Іоаннъ Креститель и, наконецъ, святые церкви, чѣмъ-нибудь заслужившіе славу побѣдителя надъ злымъ духомъ, какъ напр. Василій Великій ¹⁾, Никита ²⁾ и пр. Изъ перечисленныхъ святыхъ роль Моисея обуславливается вѣроятно символическимъ приуроченіемъ сцены къ Черному морю ³⁾ и къ Синайской горѣ; роль-же Предтечи установилась послѣ того, какъ дочери Ирода заняли мѣсто многоименнаго бѣса. Нѣкоторые заговоры сохранили еще легендарную черту о заелѣтїи плясуньи имъ: „Ты, лихорадка, Иродыва ты дочь, пугубила Придтечу Ивана чиризъ сваю пляску, зрубила яму голыву, но тебе святая голова проклїяла и послала питатца кала лѣсу“ ⁴⁾. Мы еще не назвали св. Сисинія, одного изъ самыхъ любимыхъ святыхъ въ заговорѣ. Популярность его въ данномъ циклѣ молитвъ объясняется, какъ извѣстно, во первыхъ восточной легендой, кончающеюся пораженіемъ такого-же многоименнаго бѣса святымъ, и во вторыхъ, и въ частности по примѣненію его имени къ заклинаніямъ трясавиць, подробно изъ житія святого. Принимая въ соображеніе западные варианты заговора и нѣкоторыя для него характерныя черты (какъ вопросъ, кто демонъ такой и дальнѣйшую схему разсказа), нельзя прїйти къ такому выводу, какой былъ сдѣланъ покойнымъ ак. Веселовскимъ, что заговоръ возникъ изъ легенды и что его многочисленные варианты являются только „видовзмѣненіемъ“. Мы представляемъ себѣ развитіе заговора иначе. Въ любимую формулу, которая находилась подъ влияніемъ названнаго апокрифа о пренїи Христа съ дьяволомъ, попало имя Сисинія, какъ въ нее вообще попадали имена и другихъ святыхъ, по чисто виѣшнимъ причинамъ. Мѣсто дѣйствїя первоначально на св. горѣ и вопителями противъ демона выступаютъ Христось, апостолы и ангелы. Отъ этого зависитъ, быть можетъ, и то обстоятельство, что варианты съ именемъ Сисинія, какъ-бы не довольствуясь однимъ только имъ, приводятъ вмѣстѣ съ нимъ и архангела и евангелистовъ или заставля-

¹⁾ Ibidem 155.

²⁾ Поповъ „Русская народно бытовая медицина“ заговоръ № 5.

³⁾ Ветуховъ. 157, 159.

⁴⁾ Добровольскій „Смол. этн., сб.“ 172, Демичъ „Легенды и повѣрья въ нар. медицинѣ“. 10.

ють его попросить помощи у Бога ¹⁾. Самъ Христосъ, какъ главное дѣйствующее лицо въ апокрифѣ, заговорахъ отъ лихорадки, насколько мы знаемъ, неизвѣстенъ. Тѣмъ популярнѣе онъ въ молитвахъ отъ Нежити-болѣзни, которая самымъ близкимъ образомъ связана съ трясавицами ²⁾. Чтобы убѣдиться въ сходствѣ, сравните съ молитвами отъ Нежити ³⁾ старинное заклинаніе лихорадокъ, приведенное Майковымъ подь № 105: На горѣ Ѡаворстѣй, подь дубомъ Мамврійскимъ ту сѣдяху Сихаиль, Михаиль, и ту собрашеса вся силы небесныя, ангелы и архангелы, херувими и серафими, а идутъ семь дѣвъ простовласы... Вопросъ и отвѣтъ: „Идемъ въ мѣръ костей человѣческихъ ломити и тѣла ихъ томити“. „И они... ввергли ихъ въ огненное море... Собрашеса силы небесныя... отгнаша отъ раба Божія“. Любопытно, что здѣсь число демоновъ 7, т. е. также много какъ въ латинскомъ заклинаніи типа *Nescia* и въ южнославянскихъ индексахъ, отвергающихъ ложныя молитвы противъ *семи* трясавиць (нежитей), дочерей Ирода ⁴⁾. Сходство не ограничивается этимъ. *Nescia*, слав. Нежить, начальникъ всего злого и всѣхъ болѣзней, перечисляетъ симптомы данной болѣзни, причемъ разные виды ея понимаются отдѣльными существами. Равнымъ образомъ соотвѣтствуютъ имена 7—12: и трясавиць разновидностямъ лихорадки, даже до такой степени, что и этимъ названіямъ можно найти параллели въ лат. формулѣ: *scampfo* = корчуша, скорчея (Ветуховъ. 162, 161), *gigihite* = ломея, костей (*ibid.*), *patalasis* = припадочной (Забылинъ. 345). Всмотриваясь ближе въ имена, можно еще сдѣлать слѣдующія сопоставленія: Слово *Nescia*, обозначающее общее неопредѣленное недомоганіе, *Ne scia*, неизвѣстная болѣзнь, отражается съ одной стороны въ названіи одной изъ семи трясавиць *Нешія* ⁵⁾, а съ другой стороны въ переводномъ имени самой старшей и страшной изъ сестеръ *Нешья*; она-же вѣроятно скрывается подь названіемъ безыменная ⁶⁾. Она называется главой „надъ всѣми сестрами“ ⁷⁾,

¹⁾ Ветуховъ. 158.

²⁾ Über russ. Zauberf. 51 слѣд.

³⁾ См. еще у Ефименка 158.

⁴⁾ Порицающае содержаніе молитвы индексъ м. пр. говоритъ, что вмѣсто семи у Ирода была фактически только одна дочь, „о ней же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова“. Поправка эта внесена въ нѣкоторые заговоры: „Мы есмы тресовицы, дщери Филипповы, брата Ирода царя... Ветуховъ. 157, Ефименко. 206, Арх. Г. О. XXXVI 48, 11.

⁵⁾ Воронежскій юб. сб. 1886. 88, Забылинъ. 412.

⁶⁾ Библ. для чт., I, с. 52, Забылинъ. I. с.

⁷⁾ Ветуховъ. 162.

Надовсеей ¹⁾, „тайной“ ²⁾ и наконецъ Плясеей ³⁾ оттого, что она „усѣкнула голову Іоанну Предтечѣ“ ⁴⁾.

Къ объясненію роли Иродіады въ формулахъ противъ лихо-
радки ав. Веселовскій привлекъ обширный матеріалъ изъ западнаго преданія о плясуньи, осужденной на безконечное скитаніе. Легендарное проклятiе оставило, какъ мы уже видѣли, слѣды и въ русской традиціи: Земля пожрала сестеръ послѣ смерти отца, и изъ глубины, какъ они говорятъ, „отецъ-же нашъ Сатанииль посылаетъ оттель мучити рода человѣческаго“ ⁵⁾. Отъ пляски на льду, изображенной въ каталонскомъ повѣрiи ⁶⁾ и въ украинно-русскомъ апокрифѣ XVIII в. ⁷⁾, сохранился глухой отголосокъ въ русскомъ заговорѣ: „Ихъ придворный штатъ царя Ирода, Иродіаны служанки, погибшія во время пляски на льду, первая рече“ и т. д. ⁸⁾. Между тѣмъ эти легендарныя подробности составляютъ лишь позднѣйшее наслоеніе, и имя Иродіады внесено было въ готовую заговорную формулу на славянскомъ югѣ. Для того нашлись, какъ мы полагаемъ, достаточныя основанія въ упомянутомъ апокрифѣ о преніи Христа съ дьяволомъ. Послѣдній отвѣчаетъ Христу: „азъ сотворихъ оусѣкнути Іоанна предтечу Иродомъ“, и продолжаетъ: „аще быхъ ти вѣдалъ, где еси ся оуродилъ, то шедъ быхъ матеръ твою изгоубилъ и тебе быхъ искривилъ, очи быхъ ти митусь поставилъ“ ⁹⁾. Вотъ тѣ два момента, на основаніи которыхъ демонъ преломился на двѣ части: на трясавицу Иродіаду и на Вѣщицу, южнославянскую погубительницу дѣтей и роженицъ, которая, по своимъ собственнымъ словамъ, присутствовала при рожденіи Христа ¹⁰⁾.

Порою затушевывается личность одной и нѣсколькихъ (7: и, 12: и) Иродіадъ передъ множествомъ ихъ „челяди“: „насъ

¹⁾ Тр. Ярослав. стат. к. V, 166.

²⁾ Сб. Харьк. И.-Фил. Общ. IV, 278.

³⁾ Арх. Г. О. XXXVI 48, 11.

⁴⁾ Ветуховъ. 160.

⁵⁾ Сб. Харьк. IV, 278.

⁶⁾ Веселовскій „Разысканія“ VI—X, 429.

⁷⁾ Франко. II, 340: Диянна играетъ съ „челядью“ на льду и погибаетъ.

⁸⁾ Ветуховъ. 159; ср. выраженіе: мы — жены трясавицы и послушницы Ирода царя и прочихъ силъ. Майковъ № 103.

⁹⁾ Франко. 198.

¹⁰⁾ Соколовъ. № 4. Въ румынскомъ заговорѣ схожаго типа выступаютъ Иродіады не какъ трясавицы, а вообще какъ зловредные духи. Săineanu Studii folklorice 84.

главныхъ 12, злыхъ, а прочихъ насъ разныхъ нѣсколько тысячъ безъ числа есть“¹⁾). Для выраженія ихъ неопредѣленнаго количества употребляются числа: тридевятъ, 70, 77, 99. Этому соответствуютъ въ нѣмецкихъ заговорахъ 77: *gerlei Fieber* ²⁾ и 77 Нежитей *Nöschen* ³⁾). Слѣдуетъ замѣтить, что въ апокрифѣ фигурируютъ громадныя войска сопровождающей главнаго демона нечистой силы. Трясавицы отличаются безобразной наружностью; онѣ босыя, нагія, черныя, косматыя ⁴⁾), словомъ, „видѣніемъ дьявола“ ⁵⁾). Ихъ „звѣрообразный“ видъ ⁶⁾ съ „разжженными очами“ и верблюжьими волосами ⁷⁾ соответствуетъ отчасти описанію разгнѣваннаго демона въ апокрифѣ. О немъ говорится, что онѣ сдѣлался страшнымъ передъ Христомъ, искривилъ свое лицо и пускалъ пламень изъ своихъ глазъ ⁸⁾). Трясавицы говорятъ о себѣ, что онѣ отправляются къ тому, кто не исполняетъ церковныхъ заповѣдей: ходятъ безъ молитвы, пьютъ на пирахъ ⁹⁾), безчинствуютъ въ воскресенье, просыпаютъ заутреню, въ среду, въ пятокъ ¹⁰⁾ и въ „праздники честные блудъ творятъ“ ¹¹⁾ и въ дни богородицины нечистъ ходятъ. Но людей, которые будутъ знать „святую заповѣдь“ или прославлять имена святыхъ ¹²⁾), онѣ оставляютъ въ покоѣ. Мы натолкнемся и здѣсь на параллели изъ апокрифа. Въ преніи между Христомъ и дьяволомъ упоминаются грѣхи, изъ-за которыхъ человекъ будетъ преданъ послѣднему. Несмотря на то, что онѣ обязуется не губить тѣхъ, кто вѣритъ въ Христа и въ его святое имя, онѣ подвергается наказанію: Богъ выгоняетъ его въ преисподнюю. Этимъ эпизодомъ кончается апокрифъ — и уцѣлѣвшіе въ полности варианты изъ формулъ противъ лихорадки и *Nescia*-болѣзни.

1) Забылинъ. 355.

2) Ветуховъ. 143 сл.

3) *Über russ. Zauberk.* 53.

4) Виноградовъ. I, № 100.

5) Майковъ. № 103.

6) Ветуховъ. 161.

7) Ефименко. 205.

8) Франко. 200

9) Забылинъ. 345.

10) Изв. О. Арх. Каз. Ун. X, 337.

11) Арх. Г. О. XXXVI 48, 11.

12) См. Ветуховъ. 164, 165.

III.

(Заговоры отъ ужаленія змѣей. — Отношеніе змѣи къ крестному дереву. — Символика пеликана. — Змѣи и Алатырь. — Змѣи и камень въ Іорданѣ. — Содержаніе заговоровъ. — Роль Маріи: владѣтельница надъ змѣями, — сама змѣя. — Женскія имена въ заговорахъ. — Мужскія имена. — Гнѣздо изъ руна, символическій образъ. — Конецъ заговоровъ).

Мы возвращаемся опять къ затронутому кругу идей, находящихся въ связи съ символикой крестнаго дерева, около котораго пребываетъ побѣжденный дьяволъ. Славянскіе и румынскіе духовные стихи развертываютъ передъ нами слѣдующую картину, цѣнную для характеристики вліянія духовныхъ сюжетовъ на народное преданіе: Стоитъ дерево, на верху его вьеть гнѣздо соколъ, у корня сидитъ непріязненная для птицы змѣя, которая хочетъ уничтожить гнѣздо ¹⁾). При этомъ невольно припоминается разсказъ фізіологовъ о неяснѣ-птицѣ, которую змѣя старается погубить, въ примѣненіи образа къ Христу и врагу человѣчества. Мы имѣли уже случай подробнѣе остановиться на заговорахъ, въ которыхъ такъ или иначе отражается этотъ мотивъ о пеликалѣ Христѣ. Это заговоры съ чудесной птицей, царь ворономъ и пр., которые гнѣздятся въ океанскомъ дубѣ. Полтавскій заговоръ представляетъ птицу и змѣю въ такомъ сочетаніи: въ чистомъ полѣ синее море, въ синемъ морѣ чернѣй яворъ, на черномъ яворѣ соколово гнѣздо, въ томъ гнѣздѣ гадина Тетяна ²⁾). Тотъ-же страшный змѣй снаряжается по словамъ приворота ³⁾ зажигать своимъ огненнымъ дыханіемъ горы, рѣки и *орлицу съ орлятами*. Любопытно, что извѣстный мотивъ о пожираніи солнца змѣей приводится однажды въ такой же аллегорической связи: стоитъ дубъ корень корястѣй, вокругъ дуба змѣй змѣище о 12 головахъ... „не жри красное солнце... о мои уроки“ ⁴⁾). Поводомъ такого сближенія служило очевидно распространенное сравненіе Христа съ „солнцемъ праведнымъ“. О дальнѣйшей роли змѣи обращаемъ вниманіе на ея враждебное отношеніе къ райскому дереву. Картина представляется или такъ, что лютая змѣя поѣдаетъ мерзлое дерево на Сіонской

¹⁾ Веселовскій „Разысканія“ X, 454, XVII, 354.

²⁾ Кіевск. Стар. 1903 VII, 30.

³⁾ Библ. для чт. I. с. 48.

⁴⁾ Жив. Стар. 1892 III, 146.

горб¹⁾, или такъ, что змѣя покоится подъ дубомъ, прицѣпившись къ нему своимъ зубомъ: Надъ кіаномъ моремъ стоиць ясенъ, на ўсѣ моря красенъ. Я цябе, ясенъ, слягу и зрубаю и корення твоѣ порасьвиджаю.—За што ты мяне будзешь сѣчь?—А за то, што подъ тобою ляжиць сливень-сливицовый и ящеръ-кащеръ²⁾; ... на крыжовой дорози стоиць дубъ, у тымъ дубу змяинный зубъ³⁾. Иногда дерево уступаетъ свое мѣсто простирающемуся до неба столбу, символу церкви и алтаря въ русскихъ заговорахъ: ... „въ томъ морѣ есть латырь камень, на томъ камнѣ стоиць столбъ, отъ земли и до неба огненный, подъ тѣмъ столбомъ лежитъ змѣя жгуча, опалюча“⁴⁾. Отсюда одинъ шагъ къ представлению, что змѣя обитаетъ на Алатырь-каменѣ или подъ камнемъ, и мы поймемъ, почему привороты помѣщаютъ апокалиптического звѣря „семиглаваго змія“ на престолѣ Божіемъ въ Іерусалимѣ⁵⁾. Дѣйствительно, лежащій на святомъ камнѣ змѣй, скорпій или даже „самъ сатана“: „На морѣ кіанѣ на островѣ буянѣ камень, подъ нимъ лежитъ самъ сатана“⁶⁾, составляетъ мотивъ, который часто повторяется въ народныхъ заговорахъ. Преданіе извѣстно кромѣ того въ слѣдующемъ обобщеніи: „На Воздвиженіе собираются змѣи въ кучу, въ ямы, въ пещеры, яры, и тамъ является бѣлый и свѣтлый камень, который змѣи лижутъ, насыщаясь имъ и излизываютъ весь: бѣлъ горючъ Алатырь“⁷⁾. Отсюда-же происходитъ представленіе, что Алатырь составляетъ любимое мѣстопробываніе всего злого; подъ нимъ живутъ сомны болѣзней въ видѣ жабъ⁸⁾; туда высылаются всякая болѣзнь; изъ него выходитъ „лютая змѣя скорбя“ и поѣдаетъ икоту⁹⁾. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и орудіе смерти для злого: На морѣ на кіанѣ лежалъ бѣлый камень, летѣла жаба, валилась жаба, вдарилась жаба объ вострый камень, разбилась жаба на мелкія части... и штобъ и у раба жаба разбилась¹⁰⁾. Очень можетъ быть, что святой камень съ змѣею не минулъ вліянія со стороны апокрифа объ Іорданскомъ камнѣ,

1) Олон. г. в. 1876, № 16.

2) Романовъ. 184.

3) Ibidem. 112.

4) Ефименко. 140.

5) Арх. Этн. Общ. въ Москвѣ № 14 л. 19.

6) Демичъ. 27, Майковъ № 48.

7) Даль. „О повѣрьяхъ“ 39.

8) Этн. Об. 1892. II—III, 31.

9) Арх. Г. О. VII, 44, I. 121.

10) Шейнъ. II. 543.

въ которомъ лежали спрятанными вплоть до крещенія Христа змѣиныя головы, терзавшія грудь Евы. Камень въ Иорданѣ упоминается часто, м. пр. въ слѣдующемъ заговорѣ отъ зубной боли: На морѣ на океанѣ, на святой рѣцѣ Иорданѣ стоитъ трость вверху корнями ¹⁾. На днѣ Иордана, близъ Ливана лежитъ камень горячъ. На камнѣ томъ зубъ вонючъ ²⁾.

Къ этой змѣѣ „шеуропеѣ“, „самой старшей изъ всѣхъ змѣѣй“, обращаются заговоры отъ укушенія змѣей съ просьбою, чтобы она запретила своимъ слугамъ, дѣтямъ и войскамъ вредить человѣку. Приведемъ нѣсколько подробностей изъ эпического вступленія къ упомянутымъ заговорамъ. Въ большинствѣ изъ нихъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что символическій образъ птичьяго гнѣзда на верху крестнаго дерева слился воедино съ представленіемъ о мѣстѣ нахождения змѣи. Она оказалась въ гнѣздѣ. Передъ нами всплываютъ опять тѣ-же спеціальныя эпитеты „океанскаго дуба“, которые повторяются на всемъ пространствѣ русскихъ заговоровъ: дубъ старъ, широколистый, златокорый ³⁾, золотомъ облитый ⁴⁾, дубъ Таратынской ⁵⁾ (Сорочинскій). Подъ нимъ нерѣдко помѣщается ракиновый или липовый ⁶⁾ кустъ. Символика сухого, отцвѣтшаго дерева скрывается въ словахъ: На морѣ, на востокѣ... стоятъ сухой дубъ, и сухой и сухокоренный ⁷⁾; „дубъ ни нагъ, ни одѣтъ“ ⁸⁾; груша безъ гилля, коры, коринна ⁹⁾, сосна суховершавая ¹⁰⁾. Съ этимъ граничитъ образъ гнилого дерева ¹¹⁾: Черезъ рѣку Смородзину (смрадную) протягивается „гнилый, душленястый дубъ“ ¹²⁾, уже какъ средство спасенія изъ рѣки. Изъ названій, рѣже

¹⁾ Ср. положеніе крестнаго дерева, когда Моисей его нащель и посадилъ въ горькихъ водахъ Мерры.

²⁾ Арх. Г. О. XXXVI. 48, 86. -- Мотивъ о змѣѣ на св. камнѣ имѣеть и финскія параллели: Посреди деревни камень, посреди камня отверстие, вокругъ отверстия змѣя; туда я отсылаю болѣзни. Арх. Общ. Финской лит. Ktohn, № 831. Въ румынскомъ заговорѣ отъ змѣи такъ же упоминается кустъ, колодець и камень съ змѣей. Alecsandri, Poesii pop. 271.

³⁾ Малинка, Сборн. матер. по млр. фолькл. 233.

⁴⁾ Арх. Г. О. XLIV 19, 64.

⁵⁾ Эгн. Сборн. V, 1862. 87.

⁶⁾ Относительно липы какъ міроваго дерева, см. Бугге. 516. Разъ упоминается орѣховый кустъ, Арх. Г. О. XXXIV 20, 4. Сѣверная параллель къ нему у Бугге. 500.

⁷⁾ Сборн. Харьк. И.Ф. О. 1892. 4.

⁸⁾ Сахаровъ. 70.

⁹⁾ Арх. Г. О. XLIV, 19, 63.

¹⁰⁾ Романовъ. 180.

¹¹⁾ См. Бугге. 458.

¹²⁾ Романовъ. 176.

встрѣчающихся, отмѣтимъ: Яворъ бѣлый и виноградъ съ змѣинымъ гнѣздомъ ¹⁾, наконецъ *три яблони*: На Ягипецкомъ поли три я., на тыхъ я. тридзевяць коряневъ, тридз. кокоатовъ, варховъ; на тыхъ... зымяиное гняздо ²⁾. Въмѣсто гнѣзда встрѣчается очень часто черное баранье руно на камнѣ и въ кустѣ, и дальнѣйшимъ его видоизмѣненіемъ подушки и кровати ³⁾. На рунѣ или въ гнѣздѣ изъ чернаго руна ⁴⁾ сидитъ змѣиная царица. Чтобы объяснить эту деталь, обратимся къ роли Богородицы въ данныхъ заговорахъ.

Преданіе, что Богородица имѣетъ какое-то отношеніе къ змѣямъ, можно считать по своей распространенности общехристіанскимъ: оно восходитъ къ ветхозавѣтному общанію стереть змѣю сѣменемъ жены. Во многихъ мѣстахъ говорятъ, что змѣи выползаютъ изъ земли въ Богородицыны дни ⁵⁾. Между чудесами пр. Дѣвы приводится преданіе о страшномъ змѣѣ въ Крыму. Послѣ усердныхъ молитвъ жители однажды увидѣли на горѣ зажженную свѣчу съ образомъ Богородицы; подъ нимъ лежалъ околѣвшій змѣй ⁶⁾. Существуетъ повѣрье, что змѣи не водятся тамъ, гдѣ растетъ трава Марьянъ корень ⁷⁾.

Христіанское искусство любить изображать Марію попирающей ногами райскую змѣю ⁸⁾. Въ подобной роли знаютъ ее церковныя молитвы ⁹⁾ и народные заговоры не только на католическомъ западѣ, но и у славянскихъ племенъ. Не разъ встрѣчается въ заговорахъ разсказъ, что Богородица нашла змѣю и прокляла ее ¹⁰⁾. Она же знаетъ исцѣляющее слово противъ опухоли, вызванной укушеніемъ ¹¹⁾, при чемъ попадаетъ совѣтъ, что успѣхъ заговора гарантируется, если онъ будетъ произнесенъ во имя Маріи ¹²⁾. Слѣдующій заговоръ выдвигаетъ связь Маріи съ змѣею грѣхопаденія:

¹⁾ Ibidem, 109.

²⁾ Ibidem, 186.

³⁾ Романовъ. 114—115.

⁴⁾ Ibidem, 185.

⁵⁾ Болгарскій Сборникъ за нар. ум. X, 128, Zbiór wiadomości IX, 29 этн.

⁶⁾ Буслаевъ, Оч. р. нар. слов. и лит. I, 286.

⁷⁾ Демичъ. 18.

⁸⁾ Menzel, Christl. Symbolik. I, 69.

⁹⁾ Kaltenbäck. „Die Mariensagen in Oesterreich“, 5, Романовъ. 203, „Вѣстникъ Славянства“, 1890, 100.

¹⁰⁾ Jahn, Hexenwesen, 112. Три Маріи: Bartsch, Sagen... aus Mecklenburg II, 453.

¹¹⁾ Bartsch. 454. Frischbier, Hexenspruch u. Zauberbann, 87.

¹²⁾ Bartsch. 456, ср. у финновъ, Javelius „Länsi-Suomen käärmeeen loit sut“, 103.

Schlange, du erster Sündenfall,
Christus dir den Stachel nahm,
Maria dir den Kopf zertrat,
Dass du musst liegen wie ein Stab. ¹⁾

Преданіе о Маріи, побѣдительницѣ змѣи, сохранилось и въ финскомъ заклинаніи: „Если ты, змѣя, не вынешь своего яда, то я буду взывать къ батюшкѣ Христу, къ матушкѣ Маріи... Она унимала твой ядъ, она исцѣляла твое укушеніе“ ²⁾. Имя Божьей Матери попадаетса довольно часто и въ латышскихъ заговорахъ. Подъ нѣмецкимъ вліяніемъ возникъ вѣроятно слѣдующій: Змѣя ужалила, Христосъ говорилъ, Марія клятвенно сказала: Да исчезнетъ ужаль! ³⁾ Змѣи говорятъ: Тебѣ принадлежать болота да лѣса, намъ Марьяна земляца ⁴⁾.

Изъ содержанія русскихъ заговоровъ отмѣтимъ сначала молитвенныя обращенія къ Богородицѣ ⁵⁾. Ради ея молитвъ приказываютъ змѣѣ отступить отъ больного. ⁶⁾ Чтобы выгнать насланную змѣю изъ дома, знахарь произноситъ молитву къ Пресвятой Богородицѣ, прося у нея помощи ⁷⁾. Она и сама выступаетъ въ роли повелительницы, идетъ къ шкуропеѣ и дѣлаетъ ей выговоръ ⁸⁾. Ее можетъ замѣнить и Марса—явленіе не чуждое и другимъ заговорамъ ⁹⁾: Здунувъ Господзь мость... по томъ мосту ишла сестра Мархва, ишла, кричала, виннаго (змѣя) шукала ¹⁰⁾. Является еще Марія Магдалина; она и Богородица сидятъ на океанскомъ камнѣ, и заговоръ называетъ ихъ, по той роли, которую онѣ играютъ въ истребленіи змѣй, змѣинными паннами ¹¹⁾. Отсюда Зміивна ¹²⁾ = Богородица, владѣтельница надъ змѣями, которая можетъ ихъ пускать или не пускать на свѣтъ: Не я васъ (змѣй) породила, не я васъ на свѣтъ пустила, говоритъ шептунья, а васъ на свѣтъ пустила

¹⁾ Frischbier. 89.

²⁾ Арх. О. Финск. Лит. Törnudd, № 2.

³⁾ Тр. э. о. VI, 160.

⁴⁾ Ibidem, 157.

⁵⁾ Добровольскій. I, 180, № 2.

⁶⁾ Даль. 37.

⁷⁾ Арх. Г. О. XLIV, 19, 86.

⁸⁾ Жив. Ст. 1898, II, 246, 1905, 330. Тихонравовъ. V, 105.

⁹⁾ Über russ. Zaub. 212.

¹⁰⁾ Романовъ. 184.

¹¹⁾ Романовъ. 31.

¹²⁾ Ветуховъ. 362.

Пресв. Богородица, которая Иисуса Христа породила ¹⁾). Такимъ образомъ мало-по-малу начинаетъ Богородица называться змѣй и переходитъ въ формы „старшей змѣи“ съ океанскаго дуба, змѣиной матери „Матроны“ ²⁾). Заклинатель обращается къ ней: „Выйди, гадюка—царица, Маруся сестрыця, выйди зъ цего дому въ степь ³⁾ или, призывая змѣю къ себѣ, называетъ ее Маріей и Марою ⁴⁾).

„Змія скорпія Марья“ ⁵⁾, Маруся ⁶⁾, скорая помощница ⁷⁾ гнѣздится въ дубѣ, и ее просятъ созвать свое войско. Она оказывается одной изъ трехъ сестеръ — змѣй: на камнѣ Латырѣ лежатъ три сестры, три змѣи: одна Шкуропея, другая Палагея, третья Дѣва Мать. Дѣва Мать, унимай своихъ... ⁸⁾ и какъ вообще въ заговорахъ съ тремя сестрами Маріями ⁹⁾ приводятся и здѣсь всевозможныя имена святыхъ женъ, чаще всего не имѣющихъ никакой родственной связи съ Богородицей. Объяснить ли съ Веселовскимъ упоминаніе именъ, какъ Марины,

¹⁾ Поповъ. № 116.

²⁾ Виноградовъ. I, № 90. Склонность переносить эпитеты и свойства болѣзни на тѣхъ, кто умѣетъ ее вылѣчить, имѣетъ параллели и при другихъ заболѣваніяхъ; очевидно она стоитъ въ связи съ сильнымъ олицетвореніемъ болѣзни. Всякому извѣстенъ образъ полунощницы (криксы), злой женщины-мучительницы дѣтей, и соотвѣтствующаго ей дневного существа, полуденницы, которую представляютъ хранительницей поля съ рожью, и которой между тѣмъ пугаютъ дѣтей, говоря имъ: не ходи въ рожь, полудница обожжетъ! Пам. кн. Арх. г., 1864, 17. Съ другой стороны обѣ онѣ попадаютъ названіями—Богородицы, полунощной и полуденной „зори“. Къ первой обращаются въ зубной боли: Зоря зарица, красная дѣвица, полунощница, закрой мои зубы своею фатою. Сахаровъ, 72. Марія имѣетъ какое-то отношеніе къ росту ржи: „Гой еси ты, заря утренняя, и ты, заря вечерняя, пади ты на мою рожь... дабы она росла какъ лѣсъ высока, какъ дубъ толста“. Майковъ, № 276. Сравните съ этимъ обрядъ у латышей обратиться къ востоку, когда выйдутъ въ первый разъ сѣять, со словами: Святая Марія, Божья Матерь, очисти нечестивыхъ, завистниковъ посѣва. Тр. этн. о. VI, 174. Сюда же относятся случаи, когда три дѣвицы—помощницы со святого камня превращаются въ олицетворенія самихъ болѣзней: въ красныхъ, чернухъ, бѣлухъ, желтухъ, злыхъ внутреннихъ золотухъ. Романовъ, 93.

³⁾ Арх. Г. О. XLIV. 19. 86.

⁴⁾ Въ Малороссіи см. Сумцовъ, Культ. переж. 41, въ Финляндіи Арх. О. Ф. Лит. Екман. 1891, № 451.

⁵⁾ Ветуховъ. 429.

⁶⁾ Романовъ. 111, 114, 116, Манжура, Сказки, пословицы. 150.

⁷⁾ Арх. Г. О. XLIV. 19. 63.

⁸⁾ Романовъ. 184.

⁹⁾ Über russ. Zaub. 212 и т. д.

Катерины, Параскевы, Елены, Пелагеи и Маргариты¹⁾, подробностями изъ ихъ житій и совпадениемъ ихъ значенія (Марія—Марина—Пелагея), или считать ихъ случайными субститутами „Трехъ Марій“, трудно сказать въ виду того, что это явленіе повторяется такъ часто и внѣ заговоровъ отъ ужаленія змѣей. Отмѣтимъ слѣдующій случай, гдѣ три Божьи Матери получаютъ совсѣмъ чужія названія: „Пойду я въ Божью церковь, на Божьей церкви стоитъ престолъ, на престолѣ сидятъ три Божьи Матери: Парасковья, Настасья и Варвара“²⁾. Что же касается именъ: Салома, Соломида³⁾, Марѳа, Ева и Софія⁴⁾, то первыя три могутъ быть сближаемы съ апокрифическими падчерицами Маріи: Марѳой и Соломесей⁵⁾, тогда какъ для послѣднихъ можно найти объясненіе въ символикѣ св. Дѣвы: Ева, Софія—премудрость.

Записаны случаи, когда наряду съ Дѣвой Маріей роль змѣйнаго властителя переходитъ нѣкоторымъ изъ мужскихъ святыхъ. Змѣи являются челядью царя-Давида, сидящаго за алтаремъ: подъ игрушей стоитъ столикъ, на томъ столикѣ стоятъ кубки наливаные, а за тымъ столикомъ сидитъ царь Давидъ. „Царь Давидъ, царь Давидъ, унимай свою челядь...“⁶⁾. Съ такой-же просьбой обращается другой бѣлорусскій заговоръ къ апостолу „Петру-Павлу“⁷⁾, вѣроятно подъ влияніемъ апокрифической молитвы изъ югославянскаго требника, въ которой упоминается ап. Павелъ, какъ заклинатель змѣй⁸⁾. Конечно нельзя было упустить изъ виду и такого общепризнаннаго святого, какъ Георгій змѣборецъ: онъ „ѣдетъ на небеси и выгражае отъ ужа“⁹⁾. Если мы не ошибаемся и онъ уже успѣлъ по примѣру Богородицы превратиться въ „царя змѣйнаго Ира“¹⁰⁾, при чемъ его имя подвергалось предполагаемому искаженію въ родѣ Юрій > Ирій > Иръ.

1) Добровольскій. I, 186.

2) Поповъ. № 3.

3) Романовъ. 109, 114.

4) Романовъ. 111, 116. Ветуховъ. 430. Сихвея см. Добровольскій, I, с.

5) Франко. II, 103.

6) Шейнъ. II, 551.

7) Романовъ. 111.

8) Starine. X, XVI, 95, Тихонравовъ, Памятн. стр. лит. II, 353. Далматинцы приписываютъ „камню св. Павла“ исцѣляющую силу противъ ужаленія змѣей. Гласникъ земаљскогъ музеја. 1900. 134.

9) Шейнъ. 547.

10) Ibidem. 548.

Змѣя Марія сидитъ въ гнѣздѣ изъ бараньяго руна. Эту черту мы склонны объяснить изъ символики св. Дѣвы, тѣмъ болѣе, что руно какъ атрибутъ въ Маріинскомъ культѣ имѣетъ значеніе и вѣѣ разбираемыхъ здѣсь заговоровъ. Культъ Маріи сохранился въ полной свѣжести въ заговорахъ надъ пчелами и при трудныхъ родахъ. Разумнымъ объясненіемъ тому странному обряду, что бортникъ на третій день Покрова затыкаетъ пчелъ на зиму „ярою вовною“ или совершаетъ посредствомъ волны чары на зачатіе св. Анны¹⁾, можетъ служить сопровождающій обрядъ заговоръ, гдѣ упоминается о чудесномъ рожденіи св. Дѣвы. Говорятъ напр. прямо такъ: Яко послалъ еси, Господи, росу Гедеону и на руно и тако сіе пошли небесную росу на пчели мои²⁾. Когда латышскія шептуньи выставляютъ корзинку съ шерстью для того, чтобы Магга (=Марія) сѣла въ нее и помогла роженицамъ³⁾, то и здѣсь обрядъ указываетъ на ветхозавѣтное чудо съ руномъ Гедеона, какъ на прообразъ непорочнаго зачатія св. Дѣвы. Въ спискѣ символическихъ названій для Маріи встрѣчается имя руно⁴⁾, и духовные стихи величаютъ ее: руно златое, въ небо взятое, одесную посаженное⁵⁾. Слѣды изъ этого образа скрываются въ латышскомъ заговорѣ отъ змѣи: Честная барыня лежитъ у дороги на пескѣ, полонъ ротъ шерсти...⁶⁾ и кромѣ того въ цѣломъ рядѣ финскихъ заговоровъ, гдѣ говорится о шерстяной змѣѣ, о ея шерстяной матери⁷⁾ и шерстяномъ отцѣ. Характерно для послѣднихъ еще то, что они заключаютъ въ себѣ угрозу донести о вредѣ, причиненномъ змѣей, змѣиной матери, которая равно какъ и русская Шкуропея-Марія сумѣетъ унять боль и наказать непослушное дитя⁸⁾.

На основаніи вышеприведеннаго можно заключить, что гнѣздо изъ руна въ океанскомъ дубѣ и на алтарь камнѣ, равно какъ и его обитательница ведутъ свое начало изъ христіанскихъ представлений. Надо думать, что первоначально сидѣли въ рунѣ Богородица или самъ І. Христось, — ср. символическое названіе

1) Бѣленькій, Нар. заклин. надъ пчелами 66—67, Ефименко, Сб. малорусскихъ заклинаній 57.

2) Бѣленькій. 63.

3) Alksnis, Mat. zur lett. Volksmedizin. 177.

4) Zeitschr. des Vereins für Volkskunde 1904. 410.

5) Записки Общества имени Шевченко. 1897. I, 33.

6) Труды этнограф. отд. VI, 159.

7) „Villatar“ Арх. О. Ф. Л. Topelius 1222. 3. № 1, Gan. стр. 108.

8) Ibidem A. Rytkönen. № 108. Blomstedt. 1894. № 40.

Маріи „Небеснаго орла гнѣздо“ (Виноградовъ. I. стр. 83),—какъ объ этомъ еще вспоминаеть черниговскій заговоръ: На морѣ на океанѣ, на островѣ Буянѣ, тамъ стоитъ дерево кипарисъ, на томъ деревѣ гнѣздо, въ гнѣздѣ Исусъ Христосъ. Говорить I. Хр. ангеламъ, а ангелы ангеламъ...¹⁾ Дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ этого образа можно считать, какъ уже связано, упоминаніе „пуховыхъ подушекъ“ и „кроватей“ на деревѣ, гдѣ святые почиваютъ²⁾.

Заговоры отъ укушенія змѣи обыкновенно кончаются тѣмъ, что угрожаютъ наказать змѣиную силу, всевозможныхъ лѣсовыхъ, полевыхъ, подколодныхъ, подкаменныхъ.³⁾ змѣй, если онѣ не вынутъ своего яда и не возобновятъ здоровье. Заклинатель обѣщаетъ жаловаться Богу и всѣмъ святымъ, которые когда-то пользовались властью надъ вражьей силой. Онъ увѣренъ въ томъ, что небесныя войска съ Богомъ, Христомъ, Михаиломъ и громовникомъ Ильей⁴⁾ во главѣ могутъ и теперь отомстить за причиненное зло. Они пошлютъ для уничтоженія змѣинаго рода громъ и молнію, которымъ народное повѣрье изстари приписываетъ страшную силу противъ злыхъ духовъ. Еще упоминаются 12 молодцевъ въ божественномъ одѣяніи: по поясъ въ золотѣ, по ноги въ серебрѣ⁵⁾, апостолы, Богомъ ниспосланные, чтобы съѣчь скорпія⁶⁾, Юрій и Микола⁷⁾, Иванъ Предтеча⁸⁾. Горючій алтарь-камень, на которомъ они будутъ бить виновнаго⁹⁾, составляетъ здѣсь, какъ и вообще, источникъ небеснаго огня: Я

1) Сб. Харьк. И. Ф. О. I. с.

2) Ср. сербскую пѣсню о разукрашенномъ деревѣ посрединѣ рая: подъ нѣмъ света постела... на нѣмъ светацъ почива, свети оцац Никола. Аванасьевицъ II. 292.

3) Перечисленіе всевозможныхъ змѣй встрѣчается съ одной стороны въ византійской молитвѣ Ап. Павла (Ветуховъ 448 сл.) и съ другой стороны въ финскихъ заговорахъ, которые представляютъ большое сходство и въ этомъ отношеніи съ русскими. Ср. слѣдующія подробности изъ молитвы: змія облаковидная, огневидная, власяновидная, на доубъ восходящая, врановидная, съ эпитетами изъ финскихъ заговоровъ: pilvenkarvainen, tulenkarvainen, karvainen, tammenoksaan ottavainen (Juvelius 85), harakan häntä. Въ германскихъ параллеляхъ перечисляются только разные цвѣта змѣй.

4) Ср. финскій заговоръ: Если ты поднимешь свою голову изъ-подъ земли, то пусть громовникъ разобьетъ твою голову каплями изъ тучи, желѣзнымъ градомъ. Арх. О. Ф. Л. Pennanen. № 69.

5) Романовъ. 178.

6) У финновъ: Твоя мать срубить тебѣ голову кровавымъ топоромъ. Blomstedt ibidem. 40.

7) Романовъ. 112.

8) Ibidem. 184.

9) Ibid. 182.

съ латырь-камня возьму огню, съ питуна крови (ср. символику пѣтуха какъ птицы Воскресенья Христова), выжгу вси мхи, вси болоты... Ня будзецъ вамъ ни пристанища, ни прибѣжища ¹⁾. Ихъ больше не будетъ принимать мать сыра земля ²⁾, и онѣ принуждены будутъ возвратиться къ своему „старому атаману“, въ мѣсто, уготовленное для грѣшниковъ ³⁾: Буде тоби шо тому чоловікови, шо въ субботу по заходи сонця дрова руба, а въ неділю отца, неньку прокльна ⁴⁾ или хлибъ пиче ⁵⁾. Въ другомъ мѣстѣ нами уже было указано, что эти слова специально принадлежатъ къ заговорамъ отъ кровотеченія, въ которыхъ онѣ составлены по нѣмецкимъ образцамъ ⁶⁾.

В. Мансика.

1) Ветуховъ. 43³.

2) Шейнъ. II. 550, Майковъ. № 185.

3) Въ финскомъ вариантѣ спрашиваютъ, гдѣ мѣсто для змѣи. „Твое мѣсто въ царствѣ мертвыхъ, недалеко отъ адскихъ огней“. Арх. О. Ф. Л. Rytkönen *ibid.*

4) Ветуховъ. 431, ср. 425, 430.

5) Арх. Г. О. XLIV. 19. 63.

6) Ueber russische Zauberformeln. 277.

Изъ журнала „Живая Старина“, выпускъ IV, 1909 г.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

